

ТУФАН МИННУЛИН

ПРОКЛЯТЫЙ

РАССКАЗ

“3 января 1891 года казанский купец Шамсутдин Сагадеев поехал гласным в Думу. Встретившись со мной перед отъездом, купец в конце разговора как бы мимоходом заметил:

— Говорят, Евфимий Александрович, что Гарай Ахмеров крестился. Только я недавно на вашей даче был, виделся с Гараем. Не крещеный он еще; говорил, что деньги себе на хлеб зарабатывает. Вот и пойми нас, татар... Да и как можно человека крестить насильственно?..

— Конечно, конечно... Нехорошо крестить насильно, — ответил я, прощаясь с ним”.

Записав в свой дневник эти слова, профессор Казанской духовной академии миссионер Евфимий Малов задумался. Заново перечитав написанное, он вслух повторил последнюю фразу: “Нехорошо крестить насильно...”

Вспомнилась недавняя неловкая беседа с ректором духовной академии Николаем Ивановичем Ильминским. Внешне респектабельный, вежливый, интеллигентный, Николай Иванович на самом деле обладал натурой грубой и резкой, и это качество временами взламывало тонкие стенки искусственной интеллигентности. Кроме своих несомненно глубоких знаний, ректор отличался еще и хитростью, коварством. Впрочем, это и понятно: ведь Ильминский послан был самим Петербургом проводить русификаторскую политику в киргизкайсацких и татаро-башкирских краях.

МИННУЛИН Туфан Абдуллович родился в 1935 году в д. Большое Мереткозино Камско-Устьинского района Республики Татарстан. Окончил Театральное училище им. М. С. Щепкина (1961), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1977). Автор более сорока пьес, которые ставились в театрах Татарстана и России и выходили отдельными книгами. Лауреат республиканской премии им. М. Джалиля, Государственной премии им. Г. Тукая и российской Государственной премии им. К. Станиславского. Народный писатель Республики Татарстан.

Несколько дней назад Николай Иванович отчитал Малова как мальчика:

— Плохо работаем, Евфимий Александрович. Даже новокрещенные стали возвращаться в ислам, а мы что делаем? Сидим сложа руки, а?

Ректор вспомнил неопфита из татар, пожелавшего креститься — Сахипгарай Ахмерова.

— Мы упускаем даже то, что само идет к нам в руки, — назидательно продолжал он. — Нужно было быстрее завершить работу с Ахмеровым, чтобы он в ближайшее время официально принял христианство. Чтобы и другие брали с него пример...

Малов попробовал возразить, что как положительный пример Ахмеров вряд ли подходит, но Ильминский лишь еще более повысил свой менторский голос:

— Нам нужна не личность Ахмерова, а его имя, нужен факт, что сын муллы и бывший шакирд медресе добровольно принимает христианство. Поймите, что мы с вами не просто миссионеры, но и политики. И знайте, наконец, что наша цель — привести к русскому знаменателю все нерусские народы России. В единой и неделимой державе, именуемой Россия, должна быть лишь одна великая нация — русская. Для осуществления этой цели в первую очередь нужно приобщить все российские народы к единой религии — православию. Вникните, уважаемый Евфимий Александрович: сегодня нам необходимо иметь как можно больше таких Ахмеровых. Не время выбирать и привередничать...

Малов сунул дневник в ящик стола, встал с кресла, размял затекшие от долгого сидения члены и вдруг увидел в окне идущего к его дому Ахмерова.

Гм-м... Что бы ни говорил Ильминский, но не лежала у Евфимия душа к этому шакирду. После каждого разговора с этим сыном муллы в душе Малова оставался какой-то неприятный осадок, чувство недовольства, несогласия.

Да, Николай Иванович прав — им необходимо, чтобы Ахмеров крестился. Нужно его новое, православное имя. Однако дело все же не в имени, а в сути. Ведь, кроме имени, человек имеет и душу. О, как хотелось бы завладеть не только именем, но и душой человека! Тогда неизмеримо ценнее оказался бы и сам факт крещения, и Ахмерова действительно можно было бы преподнести мусульманам в качестве яркого, “положительного” примера.

В дверь постучали.

— Войдите, — пригласил Малов. Вошел Сахипгарай и, преклонив колени перед Евфимием, поцеловал ему руку.

— Хорошо ли живете, отец? — поздоровался будущий новокрещенец.

— Благодарение Господу, живем его милостями, Петр, — ответил профессор.

— Не спешите менять мое имя на христианское, — поправил миссионера Сахипгарай, — ведь я официально еще не принял вашей веры. Пока еще я — Сахипгарай Ахмеров.

С этими словами молодой человек повернулся к иконе и принялся креститься. Громко, чтобы слышал отец Евфимий, читал он “Отче наш”, бил поклоны, стучаясь лбом о пол, истово крестился...

Профессор не выдержал:

— Не слишком ли ты усердствуешь, Ахмеров?

— А я такой, отец Евфимий, — отвечал Сахипгарай, не отрывая глаз от иконы. — Если меняю веру, то делаю это не корысти ради, а по искреннему убеждению. Прежде чем посвятить душу великому учению Христа, я поклялся беспрестанно молиться во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Малов, уже довольно хорошо успевший изучить всю подноготную своего подопечного, с некоторым удивлением слушал его разглагольствования. Всё же он подошел к Сахипгараю и, стараясь не выдавать своих мыслей, с улыбкой возложил длань на плечо крестившегося. Кто знает, может, осенила юношу мысль благочестивая и понял он, насколько важен в жизни человека акт крещения, забвения одной религии ради принятия другой, истинной...

— Хочется верить в искренность слов твоих, помыслов твоих, сын мой, — сказал Евфимий, положив ладонь на лоб ученика.

Некоторое время они стояли рядом, созерцая икону Николая Угодника.

Вдруг профессорские ноздри уловили тяжелый, характерный неприятный запах.

— Опять вышил, — поморщился Малов и поспешил отойти от Сахишгарая. Ахмеров встал с колен, отряхнул брюки и буркнул, косясь на сидящего в кресле профессора:

— Не сегодня. От вчерашнего это...

— Много пьешь. В последнее время тебя редко можно видеть трезвым. Смотри, пьянство к добру не приведет, — заметил Малов, стараясь не глядеть в лицо Ахмерову.

— От мук душевных пью, отец...

— Отчего же душа твоя мучается? Ты наконец-то вышел на путь истинный, значит, не болеть, а радоваться душа твоя должна.

— Конечно, спасибочки вам, отец, за то, что наставили меня на путь истинный, хотя кто в этом мире знает, что истинно, а что — нет. А душа моя до сих пор беспокойна. Несколько поколений моих предков веровали в Аллаха, единого и милосердного, в пророка его Мухаммеда, мир ему и благоденствие, а я вот под влиянием ваших проповедей сбился с пути предков и встал на ваш путь.

— Не на мой путь, а путь истинный.

— Почему? Разве ваш путь — не истинный путь?

— Я так не говорил. Над нами есть высшие силы...

— Ну да, конечно: Бог, в которого мы веруем, его Сын и Святой Дух...

— Поэтому пусть душа твоя будет спокойной, сын мой.

Сахишгарай поморщился:

— Так-то оно так... Но живем-то мы в грешном мире, отец Евфимий. От меня, например, уже отвернулись все родственники и друзья. Знакомые перестали со мной здороваться.

— А ты не придавай сему особого значения. У тебя будут новые друзья, ведь мы с тобой, считай, почти сроднились. Единство духовное, общая вера сроднила нас... Ну, а в Казани какие новости?

Обрадованный, что разговор перешел в другое русло, Сахишгарай растянул рот в улыбке и с удовольствием начал перечислять "свежие новости":

— Хорошие вести: Галимджан мулла выгнал из своего медресе восемь шакирдов, Аглям мулла, что из Апанаевской мечети, исключил троих, а Бурханутдин хазрет — пятерых шакирдов. Кто знает, возможно, изгнанные шакирды вскоре предстанут перед вашими очами, чтобы вы наставили их на путь истинный. Глядишь, и число крещеных татар увеличится на 16 голов, а вы удостоитесь похвалы его преподобия Ильминского. Да что Ильминский — может, сам царь вам медаль пожалует!

— Много говоришь, сын мой... По какой причине изгнали шакирдов?

— Хм-м... Причина известная: гулянки, пьянки, прелюбодеяния, лень, нерадивость. Все это считается у мусульман страшным грехом, а вам, наоборот, как раз таких и подавай. Испортившиеся, опустившиеся татары — это лучшая дичь для ваших стервятников, не так ли, отец мой Евфимий?

И Сахишгарай рассмеялся мелким, неприятным смешком. Профессор с отвращением смотрел на него. До чего же, право, противный этот татарин: какой-то недоделанный. Не мужик, не баба, все черты какие-то расплывчатые, скользкие, неопределенные. А уж липучий какой... К руке прикладывается — будто собака ее облизывает, так и хочется по рту ударить. И смех какой-то ненормальный — с надрывом да пристоном, не поймешь, то ли мужчина, то ли женщина смеется. А может, он этот... гермафродит? Тьфу ты!.. Боже, помилуй мя...

Ахмеров внезапно замолчал и посмотрел Малову прямо в глаза, словно пытаясь по глазам прочесть профессорские мысли.

— А не любите вы меня, отец, — вкрадчиво сказал он. — Вы даже презираете меня, верно?

Профессор не ответил.

— Почему же молчите? Или расхотелось уже со мной калякать? Может, уже раскаиваетесь, что допустили меня до ваших очей? А ведь в Библии написано: "Возлюби ближнего своего".

— Много говоришь, сын мой. Пустословишь.

— А зачем же вы такого пустобреха, такого отвратительного человека, как я, изо всех сил стараетесь приобщить к своей религии? Греха не боитесь? Может, вы меня еще воспитывать собираетесь? Эдакого агнца из меня сотворить?

Но учтите — я не агнец, а волк. И вы — тоже волк. Впрочем, возможно, я не волк, а лисица...

— Не юродствуй, Сахишгарай.

— Нет, я уже не Сахишгарай, а Петр. А у этого Петра голова болит с утра. Поэтому я сердит и зол. У вас, надеюсь, есть лекарство для Петра, у которого голова болит с утра. Молитва — это, конечно, хорошо. Но если можно было бы опохмелиться лишь посредством крестных знамений, то все церкви мира уже с утра были бы переполненными.

Терпение Малова, казалось, вот-вот лопнет.

— Нет у меня водки, нет. Здесь не кабак.

Ахмеров обмяк.

— Вот как? Что ж, извиняюсь, отец Евфимий. Тогда я пошел, — он направился к двери, но выйти из кабинета медлил, словно ожидая, что его остановят.

Малов молчал.

— Ну, так я пошел, — повторил “Петр”.

— Пошел к черту! — не вытерпев, закричал Малов.

— Ладно, ладно... К нему и пойду. Тем более что он, чертяка эдакий, меня давно уже ждет. Раз и вам я не нужен, куда мне деться, как не к черту? А я, глупец, снисхождения, милости от вас ждал, думал, что поможет мне отец Евфимий выйти на истинный путь.

— Я прекрасно знаю, о чем ты в действительности думал.

— Лишь вы занимаете мои мысли, отец Евфимий.

— Хватит паясничать, Ахмеров.

— Значит, вы не верите в мою искренность? Как же мне быть? Выходит, я ошибся. Ошибся, отказавшись от веры моих предков. И у вас нет места для человека неприкаянного, заблудшего. Отчего мир так жесток?

Сахишгарай снова подошел к иконе, встал перед ней на колени и истово запричитал:

— О, Господи! Не в ярости Твоей обличай меня и не в гневе Твоем наказывай меня. Помилуй меня, Господи, ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена; Ты же, Господи, доколе? Обратись, Господи, избавь мою душу, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей...

И Ахмеров без остановки, без единой запинки прочитал несколько псалмов из “Псалтыря” Давида.

Малов смотрел на Ахмерова в изумлении и думал о том, как щедро одарил Бог талантами этого татарского дьяволенка. Почти машинально поднялся он с кресла, открыл шкаф, вынул и поставил на стол графин с водкой и рюмку.

Сахишгарай быстро поднялся и подошел к столу. Выпив подряд три рюмки, он замер в ожидании скорого опьянения. Потом облегченно вздохнул, просветленно улыбнулся и опустился на второе кресло, напротив Евфимия Александровича. Сахишгарай стало так хорошо, что он блаженно закрыл глаза.

— Ты, кажется, спать собрался, сын мой? — заметил Малов.

— Нет, отец, — мотнул головой Ахмеров. — Спать я буду в другом месте. Русских девиц для татарского выкреста предостаточно.

— Если будешь продолжать в таком же духе, выгоню, — предупредил Евфимий.

— Конечно, конечно, выгонишь... меня всюду гонят, — спокойно ответил Ахмеров, откидываясь на спинку кресла и взглядом упершись в потолок. — Из рая меня тоже выгонят. Как из мусульманского, так и из вашего, христианского. Да, отец Евфимий, бывают же и такие, кто создан, предназначен для того, чтобы их отовсюду гнали...

Ахмеров немного помолчал в задумчивости и вдруг тихим голосом начал читать мусульманскую молитву:

— Бисмиллахи иррахмани иррахим, мине шайтан ирразим. Альхамделлилияхи раббел галямин. Иррахмани иррахим. Малики йауметдин...

Так прочитал он суры “Фатиха” и “Ихлас”, потом снова в упор посмотрел на профессора, встал, выпил еще одну рюмку водки, налил вторую...

Малов поспешил убрать графин в шкаф.

— Опьянешь, сын мой, — хмуро предостерег он.

— А я и хочу опьянеть, отец Евфимий. Зачем, по-твоему, пьют водку? Знаю, знаю, что хочешь сказать: мол, пьянство к добру не ведет, пьянство — это грехопадение. И хазрат в мечети говорит, что пить нельзя. А я говорю: можно! Значит, я выше вас обоих, выше и христианина, и мусульманина. Мне все позволено. Вы передо мной — соринки! Вы боретесь за мое имя. Одним я нужен как “Петр”, другим — как “Сахипгарай”. Каждая из сторон претендует на господство мною. А я не хочу подчиняться ни одной стороне. Мне хочется быть самим собою. У меня свой бог есть. Никто из вас не знает, что за бог живет в душе моей. Может, я сам себе и есть бог. Вот ты, стервятник веры, хочешь купить меня водкой. Что ж, я с удовольствием продамся тебе. На, бери меня! Но я продаюсь тебе, смеясь над тобой, плюя тебе в лицо. Ты, конечно, в душе своей места не находишь от гнева и возмущения. Но куда ты денешься? Если ты потеряешь меня и мне подобных, тебе деньги перестанут платить, голодным оставят, верно? Выходит, это не ты поишь меня, а я кормлю тебя, господин Малов. Плевать я хотел на твоего Николая Угодника! Плевал я на всех ваших пророков — от Моисея до Мухаммеда. Понятно ли вам, господин Малов? Вам нужна душа моя? Ну, так — на! — возьми ее, если сможешь, возьми, выкуси!

Долго еще витийствовал Ахмеров, долго бранился, долго поносил все и вся на свете, что есть живого и святого, и только дьявола ни полсловом не обругал.

— Единственно, кто справедлив — это дьявол! — восклицал он. — Он, по крайней мере, не обманывает, не прикидывается святошей. А вы — все вы! — боитесь дьявола, трепещете при его имени... А мне он — друг сердечный, мы с ним и спим в обнимку... Вы меня поняли, господин профессор? Во мне сидит дьявол. А он честнее и сильнее вас всех. Да, да, сильнее. Потому что правда, истина на его стороне. Чего вы молчите? Боитесь поспорить? Да, я продал душу дьяволу. И не прогадал. Не прогадал...

Евфимий старался держать себя в руках. Хотелось выругаться, выгнать эту словоохотливую мразь из кабинета и закричать ему вслед: “Вон из моего дома, поганая рожа!” Но он молчал, терпел. Нельзя ему, профессору, выходить из себя при столкновении с каждой мразью. Нельзя. Да и Ильминский не разрешит, не одобрит.

...И все же Малов не выдержал, вскочил вне себя от ярости и принялся отвешивать Ахмерову полновесные звонкие пощечины. “Вон из моего дома!” — заорал профессор.

Только что хорохорившийся “Петр” внезапно поник, замолчал, потом что-то хотел сказать, но поперхнулся. Он безвольно опустил на колени, шмыгая носом.

Профессор закричал еще раз:

— Во-он, татарская морда!

Подбежав к двери, он настежь распахнул ее.

— Вон!

К Сахипгараю наконец вернулся дар речи.

— Отец, отец, простите, я виноват, — запричитал он, подползая на коленях к профессору.

Малов немного поостыл:

— Иди, иди, придешь, когда протрезвешь.

Ахмеров тяжело встал и медленно, спиной, попятился к выходу.

Когда он ушел, Малов в изнеможении прислонился к дверному косяку. Щемило сердце. Настроение было вконец испорчено. В голове теснились мысли одна мрачнее другой. Видимо, Ильминский был прав: с такими, как Ахмеров, нужно держаться построже. Только суровостью, наверное, можно подчинить себе их души. И правда — для чего сюсюкаться с такой мразью?

Профессор подошел к окну. На противоположной стороне улицы виднелась удаляющаяся, чуть пошатывающаяся фигура Ахмерова. Несколько прохожих — судя по одежде, татар — обернулись и плюнули вслед вероотступнику, а одна старушка в татарском калфаке даже погрозила ему клюкой. Но Сахипгарай-Петр ни на кого и ни на что не обращал внимания. Он медленно, но верно удалялся и вскоре пропал из виду, свернув в один из городских переулков.

Перевод с татарского Фаяза Фаизова